

УДК: 9. 908
DOI 10.18101/978-5-9793-1461-7-2020-64-69

**ЗНАЧЕНИЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
В ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
(на материалах Енисейской губернии)**

© Елена Александровна Шушканова
кандидат исторических наук,
Сибирский государственный университет науки и технологий
им. академика М. Ф. Решетнева

По архивным документам рассматриваются основные этапы политики Советской власти в отношении сельских приходов Русской православной церкви в 20–30-е гг. XX в. в Енисейской губернии. Показан механизм атеистической политики государства в деревне. Особое внимание уделяется коллективизации сельского хозяйства, следствием которой стало массовое и насильственное закрытие сельских приходов. Рассматриваются причины гонений на церковь и духовенство в период развертывания социалистической модернизации в СССР. Установлено, что наступление на индивидуальные крестьянские хозяйства и превращение их в коллективные хозяйства сопровождалось жестокой атакой на церковь и духовенство.

Ключевые слова: Русская православная церковь; Енисейская губерния; сельский приход; коллективизация; крестьянство; Советская власть; атеистическая политика, декрет, государство, гонения.

**THE IMPORTANCE OF COLLECTIVIZATION OF AGRICULTURE IN THE HISTORY
OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
(Based on the Materials of the Yenisei Province)**

Elena A. Shushkanova
Cand. Sci. (History)
Siberian State University of Science and Technology
named after academician M.F. Reshetnev

On the basis of archival documents the main stages of the policy of the Soviet power in relation to rural parishes of the Russian Orthodox Church in the 20–30s of the 20th century in the Yenisei province are considered. The mechanism of atheistic policy of the state in the village is shown. Particular attention is paid to the collectivization of agriculture, which resulted in the massive and forced closure of rural parishes. The reasons for the persecution of the Church and clergy during the deployment of socialist modernization in the USSR are considered. It was revealed that the attack on individual peasant farms and their transformation into collective farms was accompanied by a fierce attack on the Church and the clergy.

Keywords: Russian Orthodox Church; Yenisei province; rural parish; collectivization; peasantry; Soviet power; atheistic policy, decree, state, persecution.

Антирелигиозная идеология, как известно, составляла один из базовых элементов марксистско-ленинского учения. Потому антирелигиозная политика победившего в 1917 г. большевизма обозначилась уже в первых декретах Советского правительства. По целям она, по большому счету, оставалась неизменной — не просто отделение церкви от государства, но полное уничтожение религии как атрибута общественного сознания. Однако методы и подходы к решению данных задач отличались во времени. В процессе социалистической модернизации 20–

30-х гг. XX в., о которой пойдет речь, по характеру проведения атеистической политики государства можно выделить три основных периода.

Содержанием первого периода стала реализация декрета 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (декрет об отделении церкви от государства). Его скорейшему проведению помешала гражданская война. Но уже в начале 1920 г., после разгрома белогвардейских войск А. В. Колчака, Советская власть в виде революционных комитетов (ревкомов) была восстановлена на территории Енисейской губернии. В том же году новые региональные органы власти приступили к претворению декрета в жизнь. На губернском уровне оно возлагалось на так называемые ликвидационные комиссии при отделах юстиции, само название которых однозначно указывало на планы Советской власти в отношении церкви. На уездном уровне эти задачи становились функцией ревкомов. В последних формировались специальные временные комиссии, сотрудников для которых рекомендовалось назначать, в первую очередь, из учителей, народных судей и судебных следователей. Конкретные полномочия комиссий можно сформулировать на основании их отчетов, сохранившихся в архивных фондах уездных ревкомов. Во-первых, это проведение полной ревизии храмов и их имущества на подконтрольной территории. Во-вторых, надлежало представить сведения о конфискациях церковной собственности: «сколько отобрано приходских домов — каменных, деревянных, ценность их», «сколько отобрано капиталов, принадлежащих бывшим церквям и религиозным общинам», в какой форме был изъятый капитал (сберегательные вклады, дензнаки, имеющие хождение и аннулированные, ценные бумаги) [1, л. 44]. Третьей основной задачей комиссий было заключение договоров с прихожанами о передаче им церковной собственности: комиссии от лица власти должны были заключать с населением приходов, пожелавшим принять в свое распоряжение церковное имущество, соответствующие договоры. Печатные экземпляры текстов договоров поступали в местные органы власти из центра.

Политические мотивы этой первой кампании понятны: нанести удар по хозяйственной независимости церквей при передаче их на баланс сельских общин. Расчет был с прицелом: захотят да и смогут ли прихожане взять на себя полное материальное содержание не только церковного хозяйства, но и церковного клира (т. е. служителей от священника до пономарей). Итоги этой кампании по конфискациям на март 1920 г. были следующими [2, л. 26]:

Наличными деньгами	1 981 098.89 руб.
Процентными бумагами	457 445.57 руб.
В сберегательных кассах	111 587.00 руб.
Аннулированные дензнаки (т. е. выведенные из обращения)	348 461.00 руб.

Что касается результатов по передаче имущества религиозным общинам, то отказов в этом со стороны последних не было. Но в целом население реформу (так фигурировала кампания в документах) не поддерживало, местами даже противилось ее проведению, но в открытое противостояние с властью вступать не решалось. Как указывали члены комиссии, открытого выступления против них не было, хотя замечали, что отношение «выражается только тихим роптанием на якобы посягательство комиссии на святыни церкви» [1, л. 49].

Вторым этапом проведения атеистической политики Советской власти стала уже широко освещенная в современной историографии кампания по изъятию церковных ценностей. Правда, нельзя не заметить, что ее освещение на уровне сельсоветов является слабым местом историографии этих событий.

Как известно, предлогом к новым гонениям на церковь стали события весны 1921 г., когда в советской России разразился страшный голод. На этом этапе относительное миролюбие власти при прошедшем отделении церкви от государства в сельской местности сменилось откровенным диктатом и грабежом. Комиссия по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих была создана в Енисейской губернии 1 апреля 1922 г. и первое свое заседание осуществила в кафедральном соборе г. Красноярска. Следом началась организация этой деятельности на уездном уровне. С этой целью при всех исполкомах уездных советов формировались специальные административные структуры. Они так и именовались — комиссии по изъятию церковных ценностей. Механизм проведения кампании был прост: члены комиссии объезжали все храмы, сверяли имущество в них с предварительно составленными описями, а затем проводили прямо в стенах храма «заседание по изъятию церковных ценностей», о чем составлялся соответствующий протокол. Изъятию подлежало все, имеющее в своем составе благородные металлы, в первую очередь золото и серебро. Назовем предметы церковной утвари, которые более всех фигурировали в протоколах изъятия: серебряные оклады, кресты, дарохранительницы, дароносицы, сосуды, ковши, лжицы, кадила, диски, звезды, ковчеги для святых даров, венчики от икон. Работа комиссии была достаточно оперативной: уже к середине октября 1922 г. все местные комиссии помощи голодающим были распущены. Они выполнили свою основную работу — очередной подрыв позиций церкви в обществе и государстве. Повторим, что методы властных структур в 1921–1922 гг. явно смещались в сторону ужесточения.

Однако по-настоящему репрессивный период в отношении деревни наступил позже — с началом вступления программы коллективизации сельского хозяйства в активную фазу. Этот период можно рассматривать как третий этап антирелигиозной политики государства. Другими словами, наступление на индивидуальные крестьянские хозяйства и превращение их в коллективные хозяйства сопровождалось жестокой атакой на церковь и духовенство.

Во второй половине января — начале февраля 1928 г. глава государства И. В. Сталин предпринял личную и, по сути, секретную поездку в Сибирь (в г. Новониколаевск) с целью добиться перелома в хлебозаготовительной кампании. Решение проблемы Сталин видел в том, чтобы «нажать на это дело большевистски». А точнее: он добивался от местных властей согласия узаконить и начать антикулацкую политику в деревне [3]. В январе 1930 г. Сибкрайком в г. Новониколаевске принял решение завершить коллективизацию сельского хозяйства уже к весне 1932 г. Столь сжатые сроки осуществления программы в сочетании с ее совершеннейшей непопулярностью у крестьянства с неизбежностью предполагали использование методов принуждения. Уже в феврале 1930 г. появилось секретное постановление, в котором детализировались меры по борьбе с кулаками, объявленными классовыми врагами Советской власти. Не допускалось принятие кулаков в колхозы, конфискации подлежало их имущество: скот, жилые и надворные постройки, инвентарь, транспорт, фураж, запасы зерна и все прочее, за исключением личных вещей [4]. Кроме этих мер в отношении

кулаков предполагались и политические репрессии: арест, ссылка, выселение за пределы района или на окраины страны. Для определения уровня опасности конкретного представителя создавалась даже особая классификация кулаков по трем группам.

В процессе начавшейся политики ликвидации кулачества как класса обращает на себя внимание линия на причисление к кулакам и церковнослужителей. Характерная для тех лет заметка газеты «Красноярский рабочий» с названием «Кулацкие сборища в церковной сторожке» сообщала об аресте трех человек в с. Курбатово Балахтинского района, которые говорили, что «колхозы им не нужны» [5. 1930. 12 февраля]. Или другая история: в Большемуртинском районе: «поп Шумбасов и церковный староста систематически вели агитацию против коллективизации и посевной кампании». Газета сообщила, что этот священник получил 10 лет, а староста — 2 года лишения свободы [5. 1930. 10 февраля].

Диктат властей принимал столь массовый характер и вызывал такое возмущение, что в марте 1930 г. в газете «Правда» вышла статья И. В. Сталина на тему колхозного строительства. Лидер государства критиковал насильственные методы коллективизации, прибегая к многочисленным и довольно резким их обвинительным характеристикам: политика унтера Пришибеева, недостойные угрозы против крестьян, головоутикая работа, чиновничье декретирование, выгодное заклётым врагам Советской власти и пр. В статье был далеко не случайно затронут церковный вопрос. «Я уже не говорю о тех, с позволения сказать, «революционерах», которые дело организации артели начинают со снятия с церковью колоколов. Снять колокола — подумаешь, какая ррреволюционность!» — язвительно замечал Сталин [6]. В данных словах руководителя страны недвусмысленно фиксировалась распространившаяся на местах политика закрытия храмов.

За статьей последовал массовый выход крестьян из колхозов. К примеру, в информационной сводке краевому прокурору Сибири от 25 апреля 1930 г. об оттоке крестьянских хозяйств из колхозов писалось: «В Пировском районе в одной деревне из 110 хозяйств осталось 13. Выход объясняют закрытием церкви. При этом иконы расстреливались конным отрядом ОГПУ» [7, л. 6]. Это документальное свидетельство лишней раз говорит о параллельности «коллективизации» и «антицерковной политики».

Хорошо известно, что уступка деревне в указанной статье Сталина носила тактический характер и вскоре коллективизация развернулась с новой силой. Одновременно с этим началось массовое закрытие сельских храмов. Историк А. П. Дворецкая указывает, что «только за шесть лет, с 1935 по 1941 г., в крае были закрыты 181 церковь: в 1935 г. — 65, в 1936-м — 33, в 1937-м — 26, в 1938-м — 15, в 1940-м — 15, в 1941 г. — 4» [8]. Здесь надо иметь в виду, что в Сибири коллективизация проходила несколько позднее, чем в Европейской России.

Конечно, не случайно самое жестокое преследование церкви и священнослужителей совпало по времени с коллективизацией сельского хозяйства — одним из фундаментальных проектов социалистического строительства. Причины такого «совпадения» были, на наш взгляд, следующие. Представляется, что схватка с крестьянством была одной из самых трудных в становлении новой власти. Многочисленные факты из взаимоотношений власти и крестьянства в 20–30-е гг. не вызывают сомнения, что это был глубочайший конфликт интересов. В 1930 г. на сплошную коллективизацию переводили 55 районов в Сибири, в том числе

Красноярский район. Ставилась задача — «степень охвата колхозами к весне 1930 г. довести как минимум до 75% всех бедняцко-средняцких хозяйств этих районов» [5. 1930. 10 января]. Однако даже несмотря на сильное принуждение в отношении крестьянства, динамика коллективизации по Красноярскому краю отставала от планов: на апрель 1934 г. — 63,6 %; на апрель 1935 г. — 76,8% [9. Д. 149. Л. 7]. Кроме того, простое объединение крестьян в коллективы кардинально не решало проблему хлебозаготовок. Даже в 1936 г., когда была принята новая Конституция (она называлась Конституцией победившего социализма), мы обнаружили в материалах обширной стенограммы межрайонного совещания по вопросу уборки хлеба и хлебосдачи в Красноярском крае такие оценки положения с мест: «расхлябанность, полный хаос, отсутствие учета», «комбайны и жатки не работают», «не хватает рабочих рук», «положение катастрофическое» [9. Д. 356. Л. 100–108].

Местные власти использовали закрытие церквей как своего рода шантаж, давление с целью преодолеть упорство населения. Ведь способов запугать крестьянство, деморализовать его было на самом деле не так много, как кажется. А закрытие церквей для населения, воспитанного на незыблемости православных ценностей, являлось событием экстраординарным, к тому же показывающим, что власть в достижении своих целей не остановится ни перед какими авторитетами и традициями. Хотя этой одной причиной гонения на церковь в 30-е гг. не исчерпывались.

В условиях конфликта с деревней власть опасалась самой церковной организации: ибо системе надежнее всего может противостоять именно система. Простые единоличные крестьянские семьи не представляли такой опасности для власти, как те же крестьяне, которые, особенно в дни церковных праздников, собирались вместе и, что важно, делали это абсолютно добровольно. Масса людей, объединенная общим духом, общими нравственными установками, общей молитвой, становилась силой, способной отстаивать свои интересы. Даже невзирая на колоссальный подрыв основ церковного единства в предшествующие годы, в лице сохранившихся приходов и сельских священников власть видела перед собой организацию. Причем с глубоко противоположным для себя мировоззрением. Это, полагаем, и стало главной причиной усиления гонений на веру, церковь и священничество.

Еще одним весьма существенным мотивом закрытия сельских церквей была причина чисто технического порядка, а именно, что в условиях коллективизации и увеличения вывоза хлеба из деревни требовались складские помещения. При растущем в деревне укрупнительстве хлеба, когда крестьяне сеяли, убирали, молотили, но не сдавали хлеб в требуемых объемах государству, власти требовали, чтобы хлеб после молотбы сразу же отвозился на государственные ссыпные пункты. В газете «Красноярский рабочий» за 1935 г. читаем: «Хлеб из-под молотилок и комбайнов должен немедленно вывозиться на пункты Заготзерна впредь до полного выполнения плана хлебосдачи, за исключением выдачи на трудодни колхозникам 10% аванса от намолоченного хлеба» [5. 1935. 26 августа].

Нетрудно догадаться, что ссыпные пункты не справлялись с потоком зерна, тем более что губернское начальство предполагало круглосуточную молотбы и использование всех имеющихся в наличии молотилок. Возникла необходимость найти альтернативные деревенским амбарам общественные хранилища. Не надо забывать также, что посевные площади росли год от года. Поэтому даже в конце

30-х гг. проблема недостатка складских помещений под зерно оставалась очень острой. Храмовые здания как нельзя лучше подходили для этих целей: они имелись в каждом селе, были просторные, вместительные и сухие. Не случайно при закрытии храмов помещение чаще всего использовали либо под клуб, либо под хлебохранилище.

Итак, репрессивная политика Советской власти в отношении Русской православной церкви усиливалась по мере развития программы социалистической модернизации, достигнув своего пика в годы коллективизации. При этом надо отметить, что в процессе переформатирования национального сознания кроме курса на полное прекращение православных богослужений власть создавала в деревне новое культурное пространство. Главным образом — путем развития клубной работы, борьбы с неграмотностью, распространения радио и передвижного кино, создания библиотек и пр. Хотя, как скоро показало время, попытка разрушения культурного кода оказалась утопией.

Литература

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р 200. Оп. 1. Д. 2.
2. ГАКК. Ф. Р. 188. Оп. 1. Д. 24.
3. Шишкин В. И. Поездка И. В. Сталина в Сибирь (15 января — 6 февраля 1928 г.) // Проблемы истории аграрного и демографического развития Сибири в XX — начале XXI в.: материалы всерос. науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 41–46.
4. Постановление Сибкрайисполкома «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» от 2 февраля 1930 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru>
5. Красноярский рабочий. Ежедневная газета Красноярского горкома ВКП(б).
6. Сталин И. В. Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения. Соч. В 16 т. Т. 12 [Электронный ресурс] // Хронос. Всемирная история в Интернете. URL: <http://hrono.ru>
7. ГАКК. Ф. П 10. Оп. 1. Д. 707.
8. Дворецкая А. П. Енисейская епархия в 20–30 е годы XX века // [Электронный ресурс]. URL: красноярские-архивы.рф. Архивы Красноярского края.
9. ГАКК. Ф. П 26. Оп. 1.